

дит слабое отражение в исследованиях ученых-обществоведов»⁵². На пленуме ЦК компартии Киргизии (август, 1983 г.) говорилось о русском языке как втором родном языке, важнейшем средстве межнационального общения для представителей более чем восьмидесяти наций и народностей, проживающих в республике⁵³.

Как и все остальные наши достижения и победы, решение национально-языковых проблем наш народ по праву связывает с многогранной деятельностью КПСС — руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы. «Развитие такого крупного многонационального государства, как наше,— говорилось в Постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“,— рождает вместе с тем новые процессы и проблемы, требующие пристального внимания. КПСС обеспечивает последовательное совершенствование размещения производительных сил в рамках единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса, заботится о росте национальных отрядов рабочего класса, должном представительстве трудящихся всех наций в партийных и государственных органах, воспитывает советских людей в духе дружбы и братства народов, любви к своей единой Советской Родине»⁵⁴.

Безраздельно доверяя нашей Ленинской партии, ее руководству, советский народ полностью поддерживает ее внешнюю и внутреннюю политику, в том числе национальную, направленную на гармоническое сочетание национальных и интернациональных интересов, затрагивающих и сферу языковой жизни, на создание таких социальных условий, в которых расцвет, всестороннее развитие каждой национальности служат предпосылкой подъема и расцвета всего нашего братского Союза.

⁵² Правда, 30 июня 1983.

⁵³ Правда, 3 августа 1983.

⁵⁴ Правда, 5 апреля 1983.

Ю. В. Бромлей, В. А. Тишков

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Важными условиями успешного развития любой отрасли современного знания являются обмен научной информацией, творческие дискуссии, личные контакты и сотрудничество ученых разных стран мира. Сегодня в мире, вероятно, тысячи ученых причисляют себя к категории этнографов или антропологов. При этом понятие «антропология» на Западе включает не только физическую, но и социальную и культурную антропологию, археологию и частично лингвистику. Естественно, что международные конгрессы представителей этих дисциплин, созываемые вот уже столетия один раз в пять лет Международным союзом антропологических и этнологических наук (МСАЭН), представляют редкую возможность взглянуть на всю отрасль знания в целом, проследить развитие отдельных дисциплин и поддисциплин, конкретных направлений и тематических исследований.

Конечно, в ходе международных конгрессов отдельным их участникам нередко бывает довольно трудно создать достаточно отчетливую общую картину состояния соответствующей отрасли науки. Обилие докладов, секций и симпозиумов затрудняет осмысление картины научных итогов столь крупного собрания. Однако некоторые из них, характеризующие тенденции развития науки на современном этапе, все-таки можно осветить.

Очередной XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук состоялся 14—25 августа 1983 г. в Канаде (в Квебеке и Ванкувере).

В работе конгресса приняло участие 2,5 тыс. ученых примерно из 50 стран. Самыми многочисленными были делегации антропологов и этнологов из США и Канады, насчитывавшие по несколько сот человек каждая. В советской делегации (во главе с Ю. В. Бромлеем) было 18 человек (этнографов, этносоциологов, археологов, фольклористов, антропологов), представлявших научные учреждения Москвы, Ленинграда, Новосибирска, а также Украины, Белоруссии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока.

Конгресс проходил под девизом «Наука о народах мира и общественность». Особое внимание при этом было уделено характеристике самих народов. На многочисленных секциях конгресса были рассмотрены самые различные аспекты образа жизни во всех регионах мира: от самобытных трудовых традиций до своеобразия духовного мира и повседневного бытового поведения в различные эпохи (от первобытности до наших дней). Но главная направленность работы конгресса заключалась в обсуждении места и роли этнологической науки в решении современных общественных проблем: связи и сотрудничества антропологов и этнографов с различными общественными институтами и профессиональными группами; пропаганды и конкретного использования результатов научных исследований, в том числе в вопросах управления обществом, внутренней и внешней политики государств. Озабоченность западных ученых повышением статуса своей науки объясняется не только все более сложным характером происходящих в отдельных странах и в мире в целом этнонациональных процессов. Она связана также с резким падением авторитета этнологического антропологических исследований, особенно у общественности развивающихся стран. Здесь буржуазная наука оказалась бессильной выработать какие-либо объективные и действенные рекомендации в интересах развития самих народов и для преодоления ими негативных последствий колониального прошлого. Более того, в определенной мере работы западных антропологов оказались самым непосредственным образом подчиненными интересам крупного монополистического капитала, а в ряде случаев — даже связанными с деятельностью спецслужб империалистических государств.

Заботой о повышении научной объективности и общественной ответственности антропологических и этнографических исследований были проникнуты многие выступления на конгрессе. Именно об этом шла речь в докладе президента антропологической ассоциации Франции Ж. Кондоминаса «Будущее антропологии», который был сделан на церемонии открытия конгресса. Темами других пленарных или, вернее, межсекционных сессий были: «Четвертый мир: коренные народы в национальных государствах», «Археология и общественность», «Заселение Америки: физико-антропологические перспективы». На первой из них выступил один из лидеров индейского движения, бывший президент Национального братства индейцев Канады Жорж Мануэл, который призвал ученых оказать действенную помощь борьбе индейцев за свои права. На сессии археологов в центре обсуждения были вопросы учета и охраны археологических памятников. Это волнует не только археологов и антропологов, но и широкие круги общественности многих стран. В целом, однако, пленарные заседания не заняли ведущей роли в программе конгресса, да таковая им и не отводилась его организаторами. Ни руководство МСАЭН, ни организационный комитет не сделали попытки выделить и вынести на широкое обсуждение какие-то кардинальные и актуальные проблемы науки, вопросы теории и методологии, которые интересуют самый широкий круг специалистов. В этом проявился прежде всего эмпирико-прагматический подход со стороны западных ученых к вопросам развития научного знания, что, несомненно, отрицательно сказывается на развитии антропологической и этнологической науки в целом.

И все же, несмотря на отсутствие стремления со стороны организаторов конгресса внести какие-то синтезирующие моменты в его программу и в ход научных дискуссий, наряду с рассмотрением на многочисленных симпозиумах (их было около 400) разнообразных конкретных аспектов образа жизни народов мира в поле зрения его участников находились и общеметодологические вопросы. В этом отношении особенно показателен симпозиум «Марксистский анализ в этнологии». В представленных на нем докладах «Материалистическая и диалектико-материалистическая традиции в этнологии» (К. Флюер-Лоббан, США) и «Этнографическое изучение современности» (Ю. В. Бромлей, СССР), в частности, подчеркивалась недопустимость отождествления диалектического материализма с вульгарным экономизмом и так называемым культурным материализмом, марксистского историзма — с эволюционизмом; особой критике при этом была подвергнута теория «культурного материализма» американского ученого М. Харриса, пытающегося эклектически объединить в ней неозволюционизм, структурализм и исторический материализм. Значительное внимание на симпозиуме было уделено наследию основоположников марксизма в изучении первобытного общества (Г. Гур, ГДР), а также роли марксистской теории в анализе раннеклассовых обществ (И. Зельнов, ГДР; В. Н. Попов, М. В. Крюков, СССР); по последнему вопросу на симпозиуме развернулась оживленная дискуссия о критериях определения перехода от доклассового общества к классовому.

Материалы этой дискуссии, итоги встреч с учеными, придерживающимися различных взглядов и направлений, показали, что влияние марксизма на современную буржуазную этнологию проявляется все более определенно и отчетливо, хотя и в самых различных, очень противоречивых формах. Некоторые прогрессивно настроенные исследователи подходят к марксизму-ленинизму как к целостной, универсальной теории познания и позитивно воспринимают огромный опыт ее разработки и применения в антропологии и этнографии, который накоплен советской наукой и учеными других социалистических стран. Кстати, по единодушному мнению этих ученых, переводные работы советских обществоведов, особенно периодическое издание АН СССР «Общественные науки», оказывают им неоценимую помощь в познании современной марксистско-ленинской методологии. В то же время на Западе имеется довольно пестрая по своим взглядам и убеждениям категория исследователей, особенно среди научной молодежи, которые, называя себя «марксистами», фактически берут на вооружение различные ультралевые трактовки троцкистско-маоистского толка или «неомарксистские» интерпретации в духе последователей англичанина Э. П. Томпсона или француза Л. Альтюссера. Для этой категории авторов характерно резко отрицательное отношение к советской научной литературе, на которую навешивается ярлык «догматичности». И наконец, вполне очевидно влияние и проникновение марксистского анализа в респектабельную буржуазную этнологию и антропологию в виде полуанонимных и скрытых заимствований, попыток включения отдельных марксистских положений и концепций в собственные теоретические конструкции и конкретные исследования. Делается это чаще всего в надежде найти выход из теоретико-методологического тупика, в котором оказалось современное буржуазное обществоведение, но не для того, чтобы внедрить марксизм в теоретический арсенал своей науки, а, наоборот, чтобы разорвать его на части и показать неправомерность отношения к учению Маркса как универсальной методологической базе.

Представляется интересным заключение, сделанное в докладе К. Флюер-Лоббан: марксистская альтернатива, использующая диалектический метод и исторический анализ, усиливает свое влияние в западной антропологической мысли. Это происходит не только по причине кризиса капитализма в странах Запада, но также и из-за отсутствия в ней какой-либо другой влиятельной идеологии и ощущения развития знания в данной области. В настоящий момент нет никаких новых

течений, которые вдохновляли бы исследования даже идеалистического характера. Добротное описание, добротная этнография остаются главным в подготовке молодых антропологов, оставляя вопросы теоретического анализа на их собственный произвольный выбор из спектра идей от чистого идеализма до культурного материализма. Ясно, сказал докладчик, что настало время для широкого внедрения марксистских исследований на Западе. Чтобы максимально использовать эту возможность, необходимо принять философию диалектического и исторического материализма в традиции, заложенной Марксом—Энгельсом—Лениным. Такой подход должен отмежевываться от культурного материализма и других форм механистического материализма, а также продолжать последовательную борьбу с разными формами идеалистической мысли.

Среди других вопросов общетеоретического характера значительное место на конгрессе занял вопрос о профиле культурно-социальной антропологии и этнологии, а также об их месте в системе наук. Это во многом обусловлено тем, что границы данных дисциплин (особенно антропологии) во многих зарубежных странах (прежде всего англоязычных) становятся все более неопределенными. Это крайне затрудняет их размежевание со смежными дисциплинами (прежде всего с социологией). Вместе с тем подчеркивалось значение междисциплинарных связей антрополого-этнологического комплекса науки. Если исключить симпозиумы по физической антропологии и археологии, то из всех остальных не менее половины было посвящено тематике, связанной с пограничными областями обществоведения — социологией, политологией, демографией. Среди них обсуждались и такие жизненно важные для функционирования этносов проблемы как влияние урбанизации и индустриализации на образ жизни народов (этой тематике было посвящено несколько симпозиумов, в том числе региональных), изменения на селе, использование традиционных ресурсов для развития сельского хозяйства, жизненный уровень народов, ценностные ориентации в социальной стратификации, средства массовой информации в сохранении национальной культуры, проблемы эмансипации женщин (по так называемой женской антропологии было шесть симпозиумов). Специальные симпозиумы были посвящены семье и альтернативе для женщин — работа или дети.

Одновременно был поднят вопрос о профессиональной занятости этнологов и антропологов. Дело в том, что во многих западных странах, особенно в США, имеется значительное число безработных — специалистов в данной области, прежде всего среди молодежи. В этой связи участниками конгресса, по предложению советской делегации, было принято обращение ко всем национальным организациям МСАЭН с призывом способствовать профессиональной занятости молодых этнографов.

Существенное внимание на конгрессе было уделено понятийно-терминологическому арсеналу антрополого-этнологических исследований, особенно в области этнической проблематики. Это тем более необходимо, что в понимании этнических явлений среди специалистов имеются немалые расхождения, притом не только в странах с различными языковыми и научными традициями, но нередко даже в пределах одной страны, в рамках одного языка. Так, наряду с наиболее распространенным общим представлением, что этнос — категория прежде всего социальная, можно встретить мнение, что это лишь биологическая общность — биологическая популяция. Вместе с тем среди сторонников первой точки зрения в свою очередь есть немалые расхождения. Одни, например, сводят фактически этнос к этническому самосознанию (это особенно характерно для западных ученых), другие, напротив, включают в число этнических свойств не только культуру, психику, самосознание, но также территорию, экономику, государственно-политическую общность. Есть, как известно, различия и в представлениях о масштабах этнических единиц: одни авторы относят к ним лишь архаические общности людей, народы, отставшие в своем развитии, обладающие родоплеменными чертами, или большие группы людей — «осколки» народов (например, украинцы в Канаде, итальянцы в США и т. д.); другие вклю-

чают в число этнических общностей также многомиллионные народы и т. д. В этой связи представляется весьма своевременной попытка создания под эгидой ЮНЕСКО специального словаря по этнической терминологии. Некоторые вопросы подготовки этого издания были освещены Ф. Риггсом (США). Он выступил на конгрессе с докладом «Концепции и терминология этнических процессов», в котором помимо характеристики основных концепций этнических процессов подчеркивалась важность достижения определенной международной конвенциональности в области этнической терминологии.

Существенное место на конгрессе занял анализ самих этнических процессов, интенсивность которых в современных условиях все более возрастает. Выявились два подхода к пониманию основных направлений этих процессов. В западной науке они обычно рассматриваются односторонне: либо абсолютизируются тенденции этнического плюрализма и игнорируются интеграционные процессы, либо преувеличиваются масштабы последних, трактуемых нередко лишь как ассимиляция. В действительности же в современных этнических процессах имеет место диалектическое сочетание двух тенденций: дифференциации и интеграции. При этом в разных социальных средах они протекают далеко не одинаково. В антагонистических в классовом отношении обществах их взаимодействие неизбежно чревато конфликтами.

В последнее время в ряде капиталистических и развивающихся стран предпринимаются попытки регулирования межнациональных отношений, осуществляются довольно крупномасштабные программы в области национальной политики. Однако концептуальные основы такой политики основаны на постулатах буржуазного либерализма, который не выходит за пределы поощрения этнокультурного разнообразия и формального предоставления «равных возможностей» представителям различных этнических групп. Опыт политики культурного плюрализма, развития двуязычия и других программ в пределах многонациональных государств был предметом рассмотрения в ряде симпозиумов. В частности, в докладе В. А. Тишкова (СССР) была дана оценка эволюции доктрины и результатов политики многокультурности в Канаде, осуществляемой с начала 1970-х годов.

Гармоничное сочетание тенденций этнического развития в условиях социализма, как известно, выражается в расцвете и сближении наций. Достижения в этой области ленинской национальной политики были раскрыты в докладах советских ученых. Особое внимание в этой связи было уделено показу роли социальных факторов в современных этнических процессах. Этой проблеме был посвящен специальный симпозиум (руководитель Ю. В. Бромлей). Проведение такого симпозиума было во многом обусловлено тем, что в западной литературе основные причины динамики этносов обычно усматриваются почти исключительно в их взаимодействии; в результате неэтнические — социальные факторы остаются вне поля зрения, хотя в действительности они играют существенную, нередко детерминирующую роль. Это было убедительно показано на данном симпозиуме в докладах советских ученых, посвященных роли образования как фактора ускорения этносоциальных процессов при социализме (Н. Я. Бромлей), современным этническим процессам в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе (В. П. Курылев) и в Волго-Уральском регионе (Р. Г. Кузеев), этносоциальным процессам в городской семье в Армении (Э. Г. Карапетян), формированию белорусской нации (В. К. Бондарчик), древнерусским элементам в традиционной культуре украинцев (Ю. Г. Гошко) и др. Были рассмотрены также и лингвистические аспекты этнических процессов. Так, М. Самора (Филиппины) посвятил свой доклад языкам межэтнического общения на Филиппинах.

Заслуживает внимания доклад американского антрополога У. Коннора «Влияние экономического неравенства на этнические процессы», в котором сделана попытка обосновать тезис об «относительной независимости» этнонационализма и этнических конфликтов от экономических

факторов, прежде всего неравномерного хозяйственного развития этнических территорий и имущественного неравенства различных этнических групп. Признавая заслуги марксистско-ленинской теории и практики решения национальных проблем, автор высказал мнение, что экономические факторы служат скорее не первопричиной, а «катализатором и сферой проявления этнического национализма». Собственно говоря, исследователи-марксисты никогда и не абсолютизировали влияние экономических факторов в их упрощенном виде на этнические процессы: религия, язык, историко-культурные черты нередко выступают на передний план в этнических конфликтах. Определяющее влияние экономики реализуется через социально-классовую сферу общественных отношений. И здесь вывод У. Коннора о том, что «экономические факторы оказывают свое максимальное влияние там, где социально-экономический класс и этническая принадлежность совпадают», представляется вполне приемлемым. Этот доклад свидетельствует об активном интересе западных антропологов к марксистско-ленинской теории и современной научной литературе социалистических стран.

Ряд общественно значимых проблем современной жизни народов был обсужден на симпозиуме «Антропология этничности». Это прежде всего вопросы сохранения и изменчивости этнической специфики культуры и всего образа жизни народов под влиянием урбанизации и технического прогресса, адаптации традиционной культуры к модернизированным формам жизни, выявление тех элементов культуры, которые наиболее устойчиво сохраняются и приспосабливаются к современному стилю жизни. Специальный симпозиум был посвящен проблемам этнического самосознания, где обсуждались главным образом причины роста самосознания у разных народов в современных условиях.

В жизни народов в полиэтнических государствах (в частности, в США, Канаде, Великобритании, Малайзии) большое значение в направлении этнических процессов, этническом развитии, интеграции, ассимиляции имеют межэтнические отношения — проблема, которая также затрагивалась в ряде докладов зарубежных ученых. В связи с этим очень высок был интерес к докладам советских делегатов, в которых анализировались теоретические аспекты проблемы, а также результаты национальной политики социалистического государства и межнациональные отношения народов СССР. В докладе Л. М. Дробижевой (СССР) были рассмотрены изменения этнокультурных ориентаций в возрастных группах у молдаван, узбеков и эстонцев в СССР. В нем прослеживалось, как меняется этническая специфика у народов по мере урбанизации (ибо молдаване и эстонцы полярны по уровню урбанизации), какие элементы культуры сохраняются наиболее устойчиво и в младших возрастных группах, в частности язык, самосознание, некоторые аспекты поведенческой культуры, интерес к национальной профессиональной культуре, показывалась политика Советского государства, направленная на развитие и сближение культур народов СССР. Доклад М. Н. Губогло был посвящен показу результатов разработки советскими учеными проблемы этнической идентификации. В связи с этим акцентировалось внимание на роли национальной политики Советского государства.

Доклады зарубежных ученых на этом симпозиуме носили по большей своей части констатирующий, объективистский характер. Один из докладов — Е. Л. Жеррони-Лонг (Франция) «Идеология и положение этносов: американско-советские сравнения» носил скорее политический характер и обрисовывал положение национальностей в СССР в искаженном свете. В частности, гиперболизировался процесс ассимиляции, который связывался с политикой централизма. В выступлениях советских ученых по этому докладу было обращено внимание на неадекватное, искаженное отражение Жеррони-Лонг этнических процессов в СССР и неприемлемость для советских народов антитезы «плюрализм или ассимиляция». На ряде примеров из жизни народов СССР показано, что доминирующим процессом в современных условиях является

процесс интеграции, сочетающийся с этнической дифференциацией, а процесс ассимиляции идет как добровольный.

Представляют интерес научные итоги обсуждения темы «Этнография коммуникаций». Еще в начале 60-х годов американский ученый Дел Хаймс предложил специальную программу исследований по этой теме. Его программа была принята рядом этнографов и социолингвистов в европейских странах. Коллективными усилиями специалистов была порождена новая область исследований, которую условно можно определить как «изучение социальных функций языков» (при двуязычии и многоязычии). На конгрессе был организован специальный симпозиум для обсуждения этой проблемы, где с докладами выступили: Л. М. Дробужева — «Межэтнические отношения и этнокультурные процессы у народов Советского Союза»; М. Н. Губогло — «О взаимосвязи факторов речи и этнической идентификации», В. Еннингер (ФРГ) — «Парадигматические потери: к проблеме предопределенности и непредопределенности исследовательских постулатов»; В. Линд-Харвитц (Великобритания) — «К вопросу о взаимоотношении между „этнографией речи“ и „этнографией коммуникации“», и председатель симпозиума И. Уинки (Канада) — «Теория этнографии Дела Хаймса».

В состоявшейся в ходе обсуждения этих докладов дискуссии оживленный интерес вызвали содержащиеся в советских выступлениях положения относительно эффективности внутри- и межэтнических коммуникаций, в том числе деловых и интимных, дружеских и соседских, формальных и неформальных, в передаче этнокультурной информации, а также анализ влияния межэтнических отношений на распространение двуязычия. Следует отметить, что в ходе симпозиума была поддержана точка зрения советских докладчиков о том, что этнографию коммуникаций следует понимать не только как языковое общение, а шире.

Языковые аспекты национальных отношений рассматривались также на симпозиуме «Язык как инструмент доминирования и преобразования: политика билингвизма, языкового разделения и социальная диалектология». Доклад Д. Энгельбрехт и Л. Ортис (США) «Вопросы грамотности на местных языках в двуязычных странах» был посвящен факторам политического, социолингвистического и культурного характера, определяющим развитие грамотности на местных языках, в том числе на языке тонга в Тихом океане, кечуа в Парагвае, испанском, навахо и пуэбло в штате Нью-Мексико. Интерес слушателей вызвали приведенные в докладе факты, показывающие, как одни группы населения с энтузиазмом воспринимают распространение грамотности на родных языках своей национальности, а некоторые другие группы, напротив, изъявляют решительное нежелание принять письменную форму языков для сколько-нибудь широкого распространения грамотности на родных языках. В связи с этим, как убедительно показали авторы, возникают серьезные задачи по изучению всех факторов, влияющих на политику языкового планирования и осуществление программ распространения грамотности на родных или неродных языках населения.

В докладе М. Н. Губогло была подчеркнута мысль о том, что в классово-антагонистических обществах распространение двуязычия лимитируется национально-языковой политикой господствующей нации. Только социализм, в котором свободное развитие национальных языков возведено в ранг Основного закона, обеспечивает надежные условия для существования и функционирования двуязычия в длительной исторической перспективе. Систематическое изучение взаимосвязи между лингвистическими потребностями различных групп населения и сложившейся языковой ситуацией позволяет осуществлять национально-языковую политику на научной основе. Советский опыт решения национально-языковых проблем все больше и больше привлекает внимание многих стран, особенно недавно освободившихся от колониального господства.

Работа симпозиума показала, как в различных странах, особенно имеющих многонациональный состав населения, в центре внимания исследователей, как правило, оказываются специфические проблемы со-

временных этноязыковых процессов, взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса, языка и общества. Несовпадение предметной области социо- и этнолингвистических исследований в свою очередь не может не оказывать воздействия на распределение интересов в проведении эмпирических и теоретических исследований. В этом смысле вполне закономерно, что для советской науки особую актуальность представляют проблемы двуязычия и многоязычия, связанные с диалектически едиными тенденциями развития и сближения наций и народностей СССР, соотношения в развитии национальных языков при одновременном распространении русского языка как языка межнационального общения, истории, теории и практики языкового строительства, разработки научных основ осуществления КПСС ленинской национально-языковой политики. В то же время для западных стран значительный удельный вес исследовательских интересов по вполне понятным причинам падает на исследования, связанные с растущей конфронтацией языков, в связи с конфронтацией этносов, имеющих неодинаковые права и неодинаковые возможности для реализации своих национальных интересов, вопросы, связанные с социальной стратификацией различных языков. Интересы же специалистов, разрабатывающих проблемы современных этноязыковых процессов в развивающихся странах, сосредоточиваются вокруг таких узловых проблем, как формирование и становление национальных литературных языков, выбор того или иного языка в качестве языка общегосударственного общения, повышения грамотности населения или, наконец, шире — как языка социального прогресса.

Большой интерес вызвала работа симпозиума «Этнология и права человека». По сути своей здесь обсуждалась проблема исторического выбора, с которой столкнулось так называемое «аборигенное» население ряда стран мира в ходе современного этапа борьбы за равенство, жизненные права и самоопределение. Следует отметить, что наибольшую активность в обсуждении этой проблемы проявили скандинавские ученые: традиционно в таких странах, как Норвегия, Дания, Швеция, довольно сильно развито общественное движение в поддержку прав аборигенного населения. Тон в этом движении прежде всего задают ученые-этнологи этих стран. Именно они создали ряд организаций, таких, например, как Международная рабочая группа по делам аборигенов, которые осуществляют полезные практические мероприятия и некоторые научные изыскания среди племенных групп в Латинской Америке, Африке и Азии.

В сделанных на симпозиуме докладах со всей отчетливостью проявились характерные черты этого направления в работе западных этнологов и антропологов. В докладе одного из организаторов симпозиума — Ж. Дэил (Дания) — был поднят очень важный вопрос о связи борьбы за самоопределение и самоуправление коренных народов Севера (эскимосов, гренландцев, саамов и др.) с процессом интенсивного хозяйственного освоения северных территорий крупным международным капиталом. Было отмечено, что в последние годы некоторые этнические меньшинства смогли добиться признания за ними исконных прав на занимаемые ими земли и на основе реализации этого «коллективного права» даже получить самоуправление (например, в 1978 г. в Гренландии). Самоопределение в пределах этнических территорий рассматривается ими как важнейший путь и средство выживания в современном мире, сохранения своей традиционной экономики и культурной самобытности. Этому подходу противостоит линия правящих кругов таких государств, как США, Канада, Дания, и многонациональных корпораций, которые в погоне за нефтегазовыми ресурсами пытаются навязать коренным жителям Севера сугубо капиталистическое, коммерческое решение вопроса на основе денежных компенсаций, совместного участия в прибылях и пр. Именно так был решен вопрос на Аляске в начале 70-х годов, где вместо права на самоуправление аборигены получили денежный выкуп и 11% территории, на которых вместо национальных органов самоуправления действуют частнокапиталистические корпорации местных жите-

лей. Этот путь, по мнению докладчика, губителен для аборигенов и представляет собой нарушение их коллективных прав как этнических меньшинств и человеческих прав.

В ряде докладов были рассмотрены аналогичные проблемы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где проживают многочисленные группы аборигенного населения, находящиеся зачастую на родоплеменной стадии общественного развития. Симпатизируя этим народам, осуждая нарушения их прав со стороны правительств, монополий и других групп населения, выступавшие на симпозиуме западные антропологи в целом исходили из теоретических посылок пресловутого культурного релятивизма. Они рассматривают культуру аборигенов как некую уникальную «эконису», существование которой якобы несовместимо с «европоцентристскими» концепциями «прогресса» и «развития». Они не признают наличия исторических стадий в развитии человеческого общества, а также феномен «разностадийности» в характеристике современных народов как результат социальных и даже политических факторов в ходе их исторической эволюции. Этими исходными посылками определяется и характер основных выводов и практических рекомендаций: «оставить в покое» аборигенное население, «не навязывать» ему современную технологию, образование и прочие «реформы». Такой подход фактически не делает различий между империалистическим грабежом аборигенного населения и попытками прогрессивных, революционных правительств и сил в ряде стран решить проблемы отсталости ряда этнических групп путем радикальных социально-экономических и политических преобразований, социалистического строительства.

Трудно сегодня отрицать в свете исторического опыта СССР, что социализм как социальный строй создает возможности и реальные гарантии реализации как коллективных, так и индивидуальных прав представителей аборигенного населения, разных этнических групп независимо от исходного уровня их развития. И все же попытки представить социализм как нечто неприемлемое для племенных народов и аборигенных групп населения встречаются. В частности, А. Кристенсен (Норвегия) в докладе «Социализм и племенное население в Афганистане» бездоказательно пересказывал вымыслы буржуазной пропаганды и легковесной публицистики о якобы извечной борьбе горных афганских племен против всякой власти вообще и их полном отрицании ныне существующей народной власти и революционных преобразований. При этом племенное афганское население трактовалось как социально однородное, игнорировались классовая сущность происходящих в Афганистане событий, империалистическое вмешательство и манипулирование отсталыми группами населения со стороны контрреволюционных сил.

Более плодотворной была попытка Э. Тарп (Дания) проанализировать сложную проблему, возникшую с индейскими племенами мискито в Никарагуа. В докладе «Социализм в Никарагуа: планируемая коллективность или коллективное сознание?» автор вполне определенно заявляет, что, по ее мнению, только благодаря победе Сандинистской революции в Никарагуа появилась возможность обсуждать вопросы человеческих прав и права народов на самоопределение. В то же время автор пытается подвергнуть сомнению возможность совместить традиционные институты и верования индейцев мискито, их хозяйственные потребности с планами революционных преобразований центрального правительства все под тем же предлогом неприемлемости для аборигенов «европоцентристской концепции развития, выраженной в стратегии сандинистов». Однако один из основных выводов доклада представляется бесспорным, что как среди индейских групп, так и среди сандинистов существуют искреннее желание и намерение разрешить проблемы в рамках существующего режима и главное условие успеха — это возможность для Никарагуа мирной жизни.

Одним из наиболее заметных явлений на конгрессе стала работа симпозиума по теме «Мир и война: антропологические перспективы». Симпозиум носил междисциплинарный характер и ставил своей целью

определить место и задачи этнологической науки в системе других общественных наук по изучению проблем мира и войны. Каким образом ученые-гуманитарии могут сегодня оказать влияние на решение основной проблемы современности — предотвращение мировой ядерной катастрофы? — таков был главный вопрос, который задавали себе участники симпозиума. Несмотря на разнообразие тематики представленных докладов, центральной темой был вопрос о природе и причинах войны, источниках гонки вооружений и ядерной угрозы миру, путях преодоления конфликтов и войн в современную эпоху.

Как показало обсуждение, в западной, главным образом американской, этнологии существуют различные точки зрения на войну как общественное явление. Во-первых, отсутствует более или менее четкое научное определение термина «война». Некоторые авторы включают в него любые проявления конфликтов между государствами и этническими группами на всех известных стадиях человеческой истории, другие трактуют понятие еще шире, включая в него всякие проявления насилия. Но, пожалуй, все чаще ученые признают правоту формулы Клаузевица: «...война есть продолжение политики другими средствами», которая, как известно, была также использована основоположниками марксизма-ленинизма в выработке научного объяснения природы войны. Все больше ученых соглашаются с тезисом, что война есть сложное социальное явление, порождаемое классовыми противоречиями, характером общественного устройства государств и их внутренней политики. Однако продолжают существовать идеалистические воззрения, разрабатываются бихейвиористские, социально-биологические интерпретации происхождения и природы войн. В современной американской антропологической литературе можно встретить точку зрения на войну как проявление деятельности «эгоистичного» гена против «альтруистического». Эта точка зрения отвергается большинством специалистов. «Необходимо обратиться к идеологии, а не к биологии для изучения корней войны и мира», — считает американская исследовательница М. Фостер (руководитель симпозиума).

Интерпретация происхождения и природы войн с точки зрения идеологических факторов является, пожалуй, доминирующей в западной этнологии. Она опирается на длительную традицию в изучении всевозможных военных обрядов и ритуалов у народов мира, восприятия окружающего мира, этнических стереотипов и этноцентризма. Подход к изучению древних культур и аборигенного населения механически переносится на интерпретацию современного общества. Причины войны видятся в этом случае зачастую как результат идеологической нетерпимости, мессианизма, ложной пропаганды, искаженных представлений лидеров о внешнем мире, других народах. Сторонники структурного анализа в этнологии, исходя из некоего универсального свойства человеческой культуры классифицировать все явления в плане «бинарной оппозиции», видят источник войн и глобального конфликта в поляризации культурных систем.

При всей ограниченности вышеперечисленных интерпретаций следует отметить, что большинство авторов докладов на симпозиуме считают войну аномалией в жизни человеческого общества, а мирные отношения между народами — нормой существования. Ядерная война почти безоговорочно признается как абсолютно неприемлемая альтернатива, которую возможно и необходимо избежать, дабы предотвратить гибель рода человеческого. Не случайно учеными была подвергнута единодушному осуждению нагнетаемая администрацией Рейгана антисоветская истерия, навязываемое представление о социалистическом мире как «средоточии зла», что служит целям идеологической подготовки войны и оправдания конфронтации и нагнетания напряженности в мире.

Диссонансом прозвучали отдельные высказывания относительно возможности выживания в ядерной войне и неизбежности дальнейшего развертывания ядерного оружия. Такая мысль, в частности, нашла отражение в докладе Д. Мандельбаума (США) «Антропология в пер-

вой фазе ядерного века». В книге этого же автора «Ядерное будущее» (1983) содержится следующее утверждение: «Атомная бомба подобна болезни, которая неизлечима, но не смертельна. Как только мир осознает факт этой болезни и предпримет необходимые предосторожности, он может продолжать вести нормальную жизнь» (с. 121). Во многих же других докладах содержался горячий призыв к борьбе против гонки вооружений, активным антивоенным действиям.

В докладе В. А. Тишкова «Мир и война: точка зрения советского ученого» были изложены положения марксистско-ленинской теории происхождения и сущности войны, сделана классификация исторических типов войн, в том числе справедливых, прогрессивных войн угнетенных народов против колониального угнетения и реакционных режимов. Была также сделана попытка охарактеризовать основные формы реакции народов на угрозу ядерной войны, прежде всего в виде массовых антивоенных движений. Интерес аудитории вызвали также сведения о формах борьбы за мир, которые имеют место в Советском Союзе, о миролюбивых инициативах Советского Правительства по предотвращению угрозы ядерной войны.

В целом симпозиум выявил необходимость дальнейших интенсивных исследований в этой области со стороны этнологов, прежде всего этнонациональных аспектов современных военных конфликтов, форм и путей обеспечения мирных контактов и сотрудничества различных народов. Именно эта задача ставится перед созданной на конгрессе под эгидой МСАЭН Международной комиссией по изучению проблем мира, в планы которой входит подготовка международных исследований, проведение конференций, издание бюллетеня, подготовка международной библиографии и т. п.

Антивоенная, гуманистическая направленность научного форума отразилась еще в одном важном событии: подлинной кульминацией в работе конгресса стало принятие на заседании Постоянного совета МСАЭН, по предложению советской делегации, воззвания против угрозы ядерной войны, в котором содержится осуждение курса на нагнетание международной напряженности, гонку вооружений, разжигание ненависти и вражды между народами. Делегаты конгресса обратились с призывом выступать за мирные отношения между народами и государствами независимо от их систем и идеологий и осудили попытки препятствовать контактам и международному сотрудничеству между учеными. «Мы призываем ученых бороться вместе и более активно за мир и сказать свое слово специалистов в защиту культуры и всего человечества, которые находятся сегодня под угрозой ядерной катастрофы», — говорится в воззвании (полный текст документа см. ниже).

Наряду с проблемами современности на конгрессе значительное внимание было уделено проблемам этнокультурной истории, прежде всего культурным традициям народов. Одним из наиболее многочисленных по представительству ученых из стран Азии, Африки, Австралии, Финляндии, Латинской Америки, а также по числу сессий и предконгрессных совещаний был симпозиум «Шаманизм». Были заслушаны сообщения, представленные специалистами в области религиоведения, этнологии, фольклора, психологии, философии.

Обзорный доклад «Шаманизм: архаическая и современная система верований» М. Хоппала (ВНР) был сделан на основе материалов международного симпозиума «Проблемы шаманизма», организованного венгерскими и советскими учеными в Будапеште в 1981 г. Доклады «Саамский шаман — посредник между тремя мирами Вселенной» (Ю. Пентикяйнен, Финляндия), «Путешествие шаманской души» (Д. Гудман, США), «Повседневные ритуалы. По поводу шаманской практики в Непале» (Р. Грейв, ФРГ) были посвящены проблеме шаманизма и древнейшим способам достижения экстаза. Значительная часть сообщений касалась психотерапевтических аспектов шаманизма: «Шаман и врач» (А. Хюлткранц, Швеция), «Модель шаманской инициации» (М. Зелковски, ПНР), «Ислам и шаманизм в Центральной Азии — современ-

ные перспективы изучения» (Ю. М а р а з з и, Италия), «Корейский шаманизм: зодиакальные принципы ритуалов» (Е. З о л л а, Италия) и др. С интересом был встречен доклад Л. П. К у з ь м и н о й (СССР) «Жанровое многообразие шаманского фольклора народов Сибири». Это было обусловлено, в частности, тем, что сибирский шаманизм рассматривается в мировой литературе как классический образец шаманизма.

Среди докладов по истории первобытного общества интерес представляют результаты исследований антрополога Д. А б е р л е (Канада) по исторической реконструкции протоязыковых общностей. Методология исторической реконструкции относится к числу важных и дискуссионных научных проблем. Автор выдвинул ряд критериев культурной реконструкции, которая основывается на реконструкции лингвистической, хотя и не сводится к ней. По мнению Д. Аберле, реконструкция в лингвистике и антропологии черт протоязыка, протокультуры как системы должна опираться не на априорные идеи о природе древнего языка или необходимых стадий развития древних языков (культур), а на изучение современных языков и культур (дочерних) методами сравнительной лингвистики и пр. Эта методология продуктивнее, чем методология априорных построений. Для реконструкции протоатапаскской общности автором были проведены тщательные исследования четырех аспектов культуры атапасков Северной Америки и предложены их «протосостояния»: терминологии родства, брачной локальности, порядка наследования, мифологии. Эти аспекты культуры и социальной организации были выбраны автором в силу их формализованности и разработанности в зарубежной лингвистике и антропологии.

В области археологической тематики значительное внимание было уделено проблеме мегафауны морей, охоте на крупных морских млекопитающих и использованию морских ресурсов. Проблема адаптации человека к приморским условиям жизни, формирования специализированных хозяйственных систем давно вызывает интерес ученых разных стран. Актуальность этой проблемы убедительно была продемонстрирована на заседаниях специального симпозиума, в ходе которого были обсуждены доклады, представленные учеными США, Канады, СССР, Японии, Швеции, Финляндии, Южной Кореи, Аргентины, Перу. Рассматривались вопросы, связанные с видами морских животных, являвшихся объектами охоты древнего населения, с их распространением в бассейнах Мирового океана, охотничьим снаряжением морских зверобоев, типами конечников гарпунов и их классификацией.

С точки зрения научной и серьезной аргументации особо следует отметить доклады американских ученых Р. Аккермана и А. Мак-Картли. Доклад последнего был посвящен охоте на китов эскимосов культуры Туле Канадской Арктики. Интересен был также доклад Л. Б л е к (США), в котором рассматривались способы охоты на морских животных русского населения на Алеутских островах в XVII—XVIII в. Доклад был подготовлен на основе тщательной проработки архивных документов.

В докладах Н. Н. Дикова и Р. С. Васильевского (СССР) рассматривались проблемы становления и развития приморской системы хозяйства в северной части Тихоокеанского бассейна. Докладчики показали, что освоение человеком прибрежных и морских ресурсов северной части Тихого океана началось еще в позднем плейстоцене. Становление приморской экономики проходило в условиях кризиса хозяйства континентальных охотников, вызванного сокращением, а затем и исчезновением крупных плейстоценовых животных. Сравнительный анализ материалов культур периода неолита и ранних металлов северной части Тихоокеанского бассейна позволяет выделить несколько культурно-хозяйственных моделей, связанных с разными видами адаптации. При этом четко прослеживается, что, чем глубже связь с побережьем, чем интенсивнее эксплуатация морских ресурсов, тем выше стабильность культуры. Эти положения во время развернувшейся дискуссии были поддержаны рядом канадских, американских и японских ученых.

Несмотря на отсутствие организатора симпозиума (случай, далеко не единственный на конгрессе), состоялось заседание по теме «Археология Китая». На нем было заслушано два доклада, в том числе доклад М. В. Крюкова о типологии неолитического жилища на Среднекитайской равнине в связи с проблемой этногенеза древних китайцев. Интерес к докладу был вызван и тем обстоятельством, что в США незадолго до конгресса вышла книга западногерманского ученого К. Йетмара «Истоки китайской цивилизации», в которой подробно были изложены основные положения монографии М. В. Крюкова, М. В. Софронова и Н. Н. Чебоксарова «Древние китайцы: проблемы этногенеза». Выступавшие в прениях отметили новаторский подход к изучению этногенеза древних китайцев, значение привлеченных советскими учеными новых археологических и палеоантропологических данных.

В докладе М. А. Итиной (СССР) на симпозиуме «Палеокультурная экология» были освещены вопросы комплексных археологических работ в СССР и их значение для реконструкции прошлого. В процессе дискуссии рассматривалась проблема охраны памятников, и многие выступавшие ученые заявили о необходимости требовать от своих правительств введения закона о сохранении памятников. Дело в том, что в большинстве западных стран, в частности в США, нет закона об охране памятников, так что каждый владелец земли, на которой расположен исторический памятник, волен его разрушить, если ему это необходимо, и никаких санкций к нему нельзя применить. Опыт Советского Союза в области охраны памятников вызвал особый интерес. В докладе Р. С. Васильевского были освещены ленинские принципы сохранения культурных и исторических ценностей, которые закреплены Конституцией СССР. Докладчик рассказал об организации учета и охраны археологических памятников в Сибири в условиях крупномасштабного строительства, о создании этнографических и археологических музеев под открытым небом в Улан-Удэ, Иркутске, Новосибирске.

Что касается физической антропологии, то она в целом была представлена на XI Конгрессе в значительно меньшей степени, чем на предыдущих конгрессах. Это отчасти объясняется тем, что в это же время проходила международная встреча физических антропологов в Торонто. Особенно слабо была представлена этническая антропология, в частности соответствующие исследования на палеоантропологическом материале. Совершенно отсутствовала тематика по этнической антропологии народов СССР (кроме доклада И. И. Гохмана) и Европы вообще. Крайне мало было ученых-антропологов из европейских стран, в том числе из социалистических.

Доклад И. И. Гохмана (совместно с Л. Ф. Томтосовой) «Антропологический состав населения Восточной Сибири в свете новейших палеоантропологических находок в Якутии» был включен в симпозиум «Заселение Америки» и вызвал значительный интерес. Из других докладов на этой секции заслуживает упоминания доклад К. Тернера (США), посвященный одонтологии аборигенов Америки и Сибири.

Кроме того, физической антропологии были посвящены симпозиумы «Эволюция приматов и гоминид», «Патология и демография», «Дерматоглифика», «Сравнительная анатомия таза приматов и человека», а также «Антропология и судебная медицина».

В целом по сравнению с предыдущими конгрессами, прежде всего с IX и X (1973 г. — Чикаго и 1978 г. — Дели), XI МКАЭН отразил заметный поворот антропологов и этнологов (а также представителей смежных дисциплин) во всем мире к практически значимым проблемам современности, особенно к этнической проблематике. Этнологи и антропологи стали довольно активно заниматься политически острыми вопросами — проблемой защиты интересов народов, их культуры, миграцией, адаптацией к новым техническим достижениям и стрессовым ситуациям современного мира. Ряд проблем разрабатывается на стыке наук, в том числе этнологии, истории социологии, лингвистики, психологии. На конгрессе еще более рельефно, чем прежде, проявилось стремление к связи

науки с практикой. Выявились широкое применение ЭВМ для обработки научной информации, включая создание сети банков этнографических данных.

Вместе с тем научная программа конгресса была составлена значительно хуже, чем предыдущие. Ее формирование было полностью стихийным: судя по всему, принимались любые заявки; этому немало способствовала крайняя расплывчатость научного профиля (предмета) социально-культурной антропологии. Отсюда такое обилие симпозиумов (заявлено около 500), в том числе и таких, для которых предлагался всего один доклад. В результате ряд симпозиумов не состоялся (примерно четверть), на многих отсутствовали руководители. Сама тематика была весьма дробной и дублировалась. Очень затруднило работу для всех без исключения участников отсутствие напечатанных тезисов.

Одновременно с работой симпозиумов проходили заседания руководящих органов Международного союза антропологических и этнологических наук (Исполком, Постоянный совет, Генеральная ассамблея). Новым президентом Союза на пятилетний срок избран проф. Х. Мавер (Югославия). Вице-президентами Союза остались Ю. В. Бромлей (СССР), О. Окидия (Нигерия), Ф. Сальзану (Бразилия). Были избраны также четыре новых вице-президента: Г. Классен (Нидерланды), Ж. Кондоминас (Франция), Брендт (Австралия), Х. Вессури (Венесуэла), а также шесть новых членов Исполкома: И. Зельнов (ГДР), И. Швидецки (ФРГ), Ф. Барт (Норвегия), Дей (Великобритания), Иегам (Бангладеш), М. Самора (Филиппины). Было избрано 15 почетных членов МСАЭН, в том числе от СССР проф. С. А. Токарев. В Постоянный совет Союза входят представители всех стран, присутствовавших на конгрессе.

Советские делегаты во время конгресса принимали активное участие в работе двух проблемных комиссий МСАЭН: «Геноцид и этноцид» (Р. Ф. Итс, М. В. Крюков) и «Комиссия пономадизму» (Р. Г. Кузеев). Председателем комиссии по этноциду избран проф. Ж. Кондоминас. Сопредседателями новой комиссии по проблемам мира избраны представители США, СССР, Великобритании.

Рассмотрен вопрос о следующем конгрессе — принято приглашение югославской делегации провести XII МКАЭН в Загребе в 1988 г. Принято также предложение египетской делегации о проведении очередного Интерконгресса в Ассуане в 1985—1986 гг.

Подводя в целом итоги XI Международного конгресса антропологических и этнологических наук, следует отметить, несомненно, важную роль этого форума для оценки как современного состояния национальных научных школ, так и развития научных исследований во всем мире. Бесспорны процессы актуализации и повышения общественной значимости этнологической науки, развитие междисциплинарного и прикладного подходов, совершенствование профессиональных методик. Советским ученым следует постоянно и внимательно следить за развитием исследований в зарубежных странах, держать руку на «пульсе» современной научной мысли. Необходимо давать решительный отпор различным псевдонаучным настроениям западных антропологов и этнологов и вместе с тем критически осваивать их научные достижения.

ВОЗЗВАНИЕ XI МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ ПРОТИВ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время мир переживает один из самых сложных периодов своей истории. Никогда ранее жизнь на земле не подвергалась такой опасности, и будущему человечества не угрожало оружие такой разрушительной мощи, как современное. Мы, как ученые, для которых объектом изучения служат природа и культура всех народов, с

особой настоятельностью выступаем с настоящим воззванием — предотвратить безумие ядерной войны.

Сегодня все человечество может быть уничтожено в считанные часы и даже минуты. После тотальной ядерной катастрофы представляется едва ли вероятной возможность сохранения биосферы и самой жизни. Антропологи и этнологи в большей мере, чем другие ученые, осознают достижения и ценность культур мира, развивавшихся в течение тысячелетий во всех уголках планеты. В случае ядерной войны все было бы обречено на гибель. Наш разум и совесть заставляют нас протестовать против приготовления к ядерной войне.

Невозможно верить политикам и военным стратегам, выдвигающим теории «ограниченной ядерной войны» и считающим, что в такой войне могут быть победители. Они пытаются приучить людей к мысли о неизбежности глобального конфликта и препятствуют усилиям, направленным против подготовки к войне.

Независимо от того, как часто происходили в истории конфликты и войны, главный вклад в развитие человечества вносили и вносят мирные отношения между народами. Именно мирные отношения, благодаря которым была и есть возможность создавать и развивать культуру человечества, должны быть нормой социальной жизни.

Мы призываем к мирным отношениям во всех сферах экономической, политической и культурной жизни между народами и государствами вне зависимости от их общественных систем и идеологий.

Мы осуждаем попытки препятствовать развитию контактов и международного сотрудничества между учеными.

Мы призываем всех ученых к более активной совместной работе на благо мира, к выступлению в качестве профессионалов в защиту человеческой культуры и всех народов, которым сегодня угрожает ядерная катастрофа.

В. И. Козлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ *

Согласно заключенному во второй половине 1977 г. соглашению о научном сотрудничестве между Институтом этнографии АН СССР и Институтом по изучению человека (Нью-Йорк) советскими и американскими учеными была начата параллельная работа над темой «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей». В качестве первого объекта исследования на территории СССР советскими учеными были взяты абхазы, живущие в селах Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР. К работе над темой был привлечен Институт антропологии МГУ, Институт геронтологии АМН (Киев), Институт экспериментальной морфологии АН ГССР, Абхазский институт истории, экономики и литературы, а также сотрудники некоторых других научных учреждений.

До недавнего времени изучением вопросов долгожительства занимались главным образом медики-геронтологи; результаты их исследований, основанные на анализе большого, преимущественно клинического материала, отражены в сотнях статей и десятках книг. От геронтологических исследований развернутая нами работа отличалась двумя главными особенностями. Первая из них та, что феномен долгожительства подлежал изучению не на индивидуальном, а на групповом (популяционном) уровне, т. е. объектом исследования являлись большие группы людей и даже целые этносы, внутри которых исторически возник и достаточно закрепился (т. е. прослеживается в течение многих десятилетий) феномен долгожительства. Кроме того, наше исследова-

* Печатается в порядке обсуждения.